

К. Тиандер

**Культовое пьянство и
древнейший алкогольный
напиток**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Тиандер**
Культовое пьянство и древнейший алкогольный напиток / К. Тиандер – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 57 с.

ISBN 978-5-517-98914-7

ISBN 978-5-517-98914-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

градъ почти нигдѣ не привился, а на южномъ полушаріи климатъ одной Капской колоніи оказался благоприятнымъ для винограда. Итакъ, мы видимъ, что виноградарство ограничивается очень небольшимъ культурнымъ райономъ ¹⁾).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ виноградарство пустило глубокіе корни, оно вытѣснило болѣе древній напитокъ. Египтяне съ незапамятныхъ временъ готовили себѣ одурманивающій напитокъ изъ ячменя, называемый ζύθος = zythum. Эіопы, кромѣ ячменя, пользовались еще просомъ. У доарійскихъ жителей Испаніи тотъ же напитокъ назывался caelia или cerea ²⁾, у еракійцевъ — βρώτων. Даже армяне, жившіе чуть ли не на родинѣ винограднаго вина, лакомились „ячменнымъ виномъ“ = οἶνος κριθίνος. Ксенофонтъ рассказываетъ, что ячменные зерна еще наполняли сосудъ до края, такъ что пили черезъ соломинку. У кельтовъ подобный же первоначальный напитокъ упоминается подъ названіемъ хѳра. Въ виду сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что общепринятымъ напиткомъ по всей Европѣ до занесенія сюда винограднаго вина былъ продуктъ, приготовляемый посредствомъ броженія изъ ячменя, проса или хѳба.

Большинство названій этого напитка еще не удалось объяснить, но самый распространенный корень указываетъ на признакъ броженія. Βρώτων, встрѣчаемое на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, кельтское brase и славянское „брага“ несомнѣнно родственно съ древнегѣмскимъ briwan и brôt, древнесѣвернымъ brugga (современное brauen resp. brugga), албанскимъ brum = кислое тѣсто и латинскимъ fermentum = дрожжи. Судя по этому названію, conditio sine qua поп даннаго напитка считалось броженіе, въ то время, какъ матеріалу придавалось второстепенное значеніе: если обыкновенно брали ячмень, то это указываетъ лишь на распространеніе ячменной культуры ³⁾).

Этотъ напитокъ является прототипомъ нашего пива, для полученія котораго ему недостаетъ одного хмеля. Еще до примѣненія хмеля прибавляли ради аромата и вкуса разные растительные продукты: неразгаданное пока хѳва, сосновые ростки, дубовую кору, багунъ (ledum palustre), тысячелиственикъ (Achillea millefolium) и горькіе корни. Съ XVI вѣка всюду вводится примѣненіе хмеля, вѣроятно,

¹⁾ *Hehn*, op. cit., стр. 82—3.

²⁾ *Cerea*, можетъ быть, латинское осмысленіе подъ влияніемъ *ceres*.

³⁾ *Schrader*, op. cit., стр. 254; *Hehn*, op. cit., стр. 123—135.

въ виду потребности перевозить и сохранять пиво болѣе продолжительное время. Къ этому времени также относится начало торговли пивомъ ¹⁾).

Всѣ опьяняющіе напитки, которые можно было бы считать древнѣе пива, никогда не имѣли столь широкаго распространенія, чтобы можно было думать о признаніи ихъ древнѣйшимъ алкогольнымъ напиткомъ человѣчества. Правда, Генъ ²⁾ называетъ медъ первоначальнымъ напиткомъ = Urgetränk индоевропейцевъ, и Плиней, принеший намъ первую вѣсть о сѣверной Европѣ, говоритъ о ячменномъ напитокѣ съ медомъ: σίτος καὶ μέλι γίνεταί καὶ τὸ πόμα ἐνταῦθεν ἔχειν, но если бы медъ былъ общечеловѣческимъ напиткомъ, это предполагало бы такое повсемѣстное распространеніе пчеловодства, котораго никогда и не было. Кобылье молоко, которымъ напивались скифы, тоже сравнительно поздній напитокъ, такъ какъ культура кухонныхъ отбросовъ и свайныхъ построекъ не знаетъ лошади, какъ домашняго животнаго.

Итакъ, древнѣйшій одурманивающій напитокъ приготовлялся изъ растительнаго продукта, при чемъ выборъ самаго продукта подвергался измѣненіямъ: въ культурное время колебались въ Европѣ между ячменемъ, просомъ и хлѣбомъ, внѣ Европы между рисомъ, мансомъ, пальмовыми листьями и проч., въ докультурное время, думаю, допускалось любое, находившееся подъ рукой растеніе, лишь бы оно было не противнаго вкуса и не вредное по опыту. Человѣкъ очень рано открылъ тайну приготовленія алкоголя, которая кроется не въ выборѣ того или другаго продукта, а въ процессѣ броженія. Такъ какъ алкоголь образуется при броженіи сахаристыхъ веществъ, то достаточно осахарить при помощи какого-нибудь діастаза крахмалъ, содержаемый въ растеніяхъ, и дать ему время придти въ броженіе, чтобы получить опьяняющій напитокъ. Все это такъ просто, какъ $2 \times 2 = 4$, — для современнаго химика, но какъ на эту махинацію набрелъ первобытный человѣкъ, ничего не слышавшій о крахмалѣ и діастазѣ и никогда не продѣлавшій ни одного опыта? Для выясненія тѣхъ условій, при которыхъ было сдѣлано это открытіе, необходимо перенестись къ тому времени, когда культура только еще зарождалась.

Но раньше позволю себѣ указать на два періода въ исторіи алкогольныхъ напитковъ: сперва человѣкъ относился къ нимъ съ благоговѣніемъ, вводя ихъ употребленіе въ религіозные культы, считая пьяное состояніе боговдохновеннымъ экстазомъ и приписывая делири-

¹⁾ Hehn, *ibid.*, стр. 410 сл.

²⁾ *Ibid.*, стр. 134.

ческимъ рѣчамъ значеніе пророчествъ; потомъ, вѣроятно, на зарѣ исторіи: пьянство утрачиваетъ свой специфическій, культовой характеръ, напиваются не только въ праздники, но когда попало, хоть бы ежедневно, напиваются не одни жрецы, но главнымъ образомъ, люди, начинавшіе презирать старинныхъ боговъ и народные культы. Тогда же впервые стало сказываться отрицательное отношеніе къ пьянству, которое въ наше время уже приняло форму систематической борьбы съ пьянствомъ. Въ этомъ духѣ образовались ветхозавѣтныя легенды, въ родѣ, напримѣръ, той, которая ставила виноградную лозу въ связь съ деревомъ познанія. На одной миниатюрѣ 1542 г. Адамъ и Ева изображены стоящими около запрещеннаго дерева, отъ котораго въ ту и другую сторону спустились виноградныя гроздья, тогда какъ змѣй обвилъ его стволъ. Такъ какъ среди богомиловъ принято было думать, что „вино и жена отъ діавола еста“, то легко было дойти до отождествленія этихъ двухъ золь: райское дерево, говорили, росло въ три ствола, часть Господня осталась въ раю, Адамова пала въ рѣку Тигръ, часть Евы вынесли изъ рая воды потопа, — это и есть виноградная лоза. Другія легенды рассказываютъ о томъ, какъ дьяволъ сажилъ виноградную лозу и какъ онъ научилъ жену Ноя спавать мужа. Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Василии Великомъ и Богородицѣ пьянство является смертнымъ грѣхомъ. Отсюда, вѣроятно, такія простонародныя повѣрья, что пьяницамъ уготована мука вѣчная, на попойкахъ черти возятъ воду и дрова, заманиваютъ ихъ въ болота. Къ разряду этихъ воззрѣній относятся и популярныя въ русской литературѣ „Повѣсть о высокоумномъ хмель“ и „Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, и какъ Горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“¹⁾. Но уже въ той формѣ, въ которой Книга Бытія сохранила намъ миѳъ о Ноѣ, сказывается отрицательный взглядъ на вино. Въ древней Греціи, въ Спартѣ, заботились о внушеніи юношамъ отвращенія къ пьянству. А между тѣмъ, въ греческомъ культѣ и миѳѣ еще чувствуются отголоски перваго періода, когда пьянство считалось религіознымъ аветазомъ. Такъ Діонисъ считался первымъ покровителемъ дельфійскаго оракула, онъ же καθάρσιος = очищающій, μελτόμενος — богъ поэтического вдохновенія. Известно также сказаніе о томъ, какъ Силень, когда Мидасъ спойлъ его виномъ, открылъ царю тайны природы и будущность²⁾.

¹⁾ Статья А. Н. Веселовскаго въ Russische Revue 1878 г.; Исторія русской литературы Галахова т. I, стр. 465—482.

²⁾ Preller, op. cit., т. I, стр. 558 и 575.

Нецивилизованные народы не перешли еще во второй намѣченный нами періодъ, когда съ ними впервые знакомились европейскіе путешественники и, не замѣчая у нихъ повседнежнаго пьянства, какъ это водится въ цивилизованныхъ странахъ, думали, что туземцы вовсе незнакомы съ алкогольнымъ напиткомъ. Въ такую же ошибку впалъ бы путешественникъ, рѣшившій, что австралійцы не ведутъ войнъ, на томъ основаніи, что они не приобрѣли еще пушекъ Крупа. Напрасно думаетъ европеецъ, что онъ принципиальнымъ образомъ измѣнилъ условія жизни. Въ этихъ вопросахъ—пьянствѣ и войнѣ—несомнѣнно нѣтъ. Я убѣжденъ, что всѣ народы земли еще до столкновенія съ европейской цивилизаціей изобрѣли свой мѣстный алкогольный напитокъ, но черезъ европейцевъ они въ большинствѣ случаевъ подверглись систематическому спаиванію. Вотъ почему нѣкоторые путешественники пишутъ, что нецивилизованные народы не знаютъ алкоголя.

Укажу на нѣсколько примѣровъ культоваго пьянства.

Буряты три раза въ годъ справляютъ особый праздникъ жертвоприношеній—тайлганъ; изъ нихъ праздникъ наступленія весны самый большой праздникъ. Собравшись на гору, сооружаютъ жертвенникъ и вблизи его ставятъ посудины съ кислымъ молокомъ и тарасуномъ—хмельнымъ напиткомъ изъ молока. Ни одно дѣйствіе праздника не обходится безъ тарасуна; послѣ того, какъ шаманъ освятилъ его, жертвенныя животныя обливаются имъ; затѣмъ гадаютъ, бросая вверхъ чашки съ тарасуномъ,—чашка, упавшая вверхъ дномъ, значить несчастье, наоборотъ счастье; побѣдитель въ конскихъ скачкахъ выливаетъ немного тарасуна на гриву своего коня. Наконецъ, начинается общій пиръ, на которомъ напиваются допьяна, поютъ, кричатъ по волчьи и пр.

Эти празднества съ несущественными измѣненіями происходятъ на всемъ пространствѣ шаманской религіи, при чемъ молитвенный характеръ пира сказывается въ различныхъ подробностяхъ. Шаманы пьютъ первыми, потомъ только чаша обходитъ всѣхъ гостей. Якуты обращаются къ солнцу, когда пьютъ. На пиршество не допускаются женщины и люди съ замаранною честью. При посвященіи въ шаманы, кандидата обильно поливаютъ тарасуномъ, и насколько тѣсно связана религія съ пьянствомъ, явствуетъ изъ названія жреца, такъ какъ шаманъ (саманъ) означаетъ человѣка взволнованнаго, изступленнаго, скачущаго ¹⁾.

---

¹⁾ Шапковъ, Шаманство въ Сибири, стр. 79 сл.

Окончивъ земледѣльческія работы, чуваши свершаютъ праздникъ чукленія хлѣба. Если бы кто-нибудь сталъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ предварительно чукленія, онъ счелъ бы себя великимъ грѣшникомъ. Всѣ приготовленныя яства ставятся на большой столъ, посреди котораго горделиво красуется весьма почтенной величины кадка съ пивомъ, приготовленнымъ изъ новаго солода и хмеля. Всѣ присутствующіе обращаются къ нарочно растворяемой на этотъ случай двери и открытому волоковому окну. Старшій въ семействѣ читаетъ благодарственную за урожай хлѣба молитву, потомъ, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзываетъ его на кусочки и предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ. Каждый обязанъ взять кусочекъ, одну половину его съѣсть, а другую бросить на печь. По примѣру старшаго всѣ черпаютъ изъ кадки пиво и съ ковшами въ рукахъ опять обращаются на востокъ съ тѣми же благодареніями и молитвами. Потомъ каждый, отливъ немного пива въ кадку изъ ковша, выпиваетъ остальное. Затѣмъ начинается шумная попойка, пѣсни, пляски, — и пиръ идетъ горой.

Но въ старину иначе совершалось чукленіе съ участіемъ языческаго жреца—іомси. Съ вышеописанными обрядами іомся читалъ молитвы надъ хлѣбомъ и вообще надъ снѣдьями Сюльди Торѣ (Верховному Богу). Но какъ скоро доходило дѣло до молитвъ надъ пивомъ, то боговъ являлось множество. Іомся провозглашалъ благодарственные молитвы богу верховному, матери боговъ, богу—творцу міра, богу—творцу душъ, богу солнца, богинѣ солнца, богу мѣсяца, богу, открывающемуся въ видѣніяхъ пророческихъ, богу—раздавателю счастливыхъ жребіевъ, богинѣ—раздавательницѣ счастливыхъ жребіевъ, богу грома и молніи, богу изобилія, богинѣ земли, богу благодѣяній, богу вѣтра, богинѣ вѣтра, богу водяному, лѣсному, домовому, богу домашняго скота, богу дорогъ и пр. Потомъ іомся обращался съ молитвами къ разнымъ кереметямъ, какъ-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и пр. По возглашеніи молитвы каждому богу и каждой керемети, іомся и всѣ присутствующіе кланялись, приговаривая: сирлагъ анбрагъ (помилуй и не оставь или спаси), а потомъ съ восклицаніемъ: смелле ¹⁾ пили по ковшу пива. Чуваше пили въ твердой, непоколебимой увѣренности, что это пьютъ не они, но сами боги и керемети. Еще не дѣлая поклона богу, они поднимали свои ковши съ пивомъ, какъ будто подчюя кого либо, и говорили шопотомъ: она коргга ба-

---

¹⁾ Можетъ быть, сокращенное арабское: блсмиляхъ = во имя Аллаха!

рась (ему надо дать ковшъ пива).—Перебравши всѣхъ боговъ, богинь и всѣ керемети, чуваши въ заключеніе обращались къ иконѣ, прилѣпивши къ ней восковую свѣчу; всѣ присутствующіе, сотворивъ крестное знаменіе, кланялись иконѣ и іомся провозглашавъ: вырысь Тора! сирлагъ анбрагъ (русскій Богъ! спаси и помилуй), Тора Амыжъ! сирлагъ анбрагъ (Божія Матерь! спаси и помилуй), Пялюкси Тора! сирлагъ анбрагъ (Божій Ангелъ! спаси и помилуй), Тора Никола! сирлагъ анбрагъ (Богъ Николай! спаси и помилуй). За каждымъ возгласомъ слѣдовало новое пивопитіе. Къ концу церемоніи многіе изъ чувашъ уже едва держались на ногахъ. „Повторяю, это были гнусныя оргіи, въ которыхъ религіозныя дѣйствія и обряды смѣшивались съ отвратительнымъ пьянствомъ“ ¹⁾.

У языческихъ славянъ религіозные обряды тоже сопровождались пиршествами. Стоитъ только указать на чешскую „радованку“, на русскую „радуницу“. Въ Бѣлой Руси еще теперъ ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ. При нѣкоторыхъ святилищахъ были особыя храмины, въ которыхъ пировали болѣе знатные люди. Такое назначеніе имѣли три комнаты, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ кругомъ стояли сѣдалища и скамьи, а во время пира изъ храма брались чаши и рога для питья. Что эти пиры имѣли строго религіозный характеръ, видно изъ того, что на нихъ поминали боговъ, пили заздравные кубки (здравицы) о помощи боговъ, о будущемъ счастіи народа ²⁾. „У славянъ удивительное заблужденіе, рассказываетъ Гельмольдъ въ своей Славянской хроникѣ: на пиршествахъ и попойкахъ у нихъ по рукамъ ходить кубокъ, надъ которымъ они произносятъ не благожелательныя, а напротивъ, проклинательныя слова по адресу боговъ, какъ добраго такъ и злого, высказывая надежду, что добрый богъ будетъ руководить ихъ хорошими дѣлами, а злой богъ ихъ злыми“ ³⁾.

У Саксона сохранилось подробное описаніе такого древне-славянскаго праздника на островѣ Рюгенѣ у кумира Святовита. Этотъ ре-

---

¹⁾ *Обозръ*, Чувашп, 1865 г., стр. 47—53.

²⁾ *Срезневскій*, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, 1846 г., стр. 96 сл.

³⁾ Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed execrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes.—Helmoldi Chronica Slavorum, Lib. I, cap. III.

лигіозный пиръ справлялся каждый годъ послѣ жатвы всѣми жителями острова. „Когда народъ соберется у вратъ храма, священникъ у кумира беретъ кубокъ и смотритъ, убавилось ли въ немъ напитокъ или нѣтъ; если убавилось, то онъ предсказываетъ неурожай на будущій годъ. Въ виду этого онъ совѣтуетъ беречь собранный хлѣбъ и на будущій годъ. Если же напитокъ противъ обыкновеннаго количества не сократился, то онъ предсказываетъ плодородіе и на будущее время. Въ зависимости отъ такого предзнаменованія онъ совѣтовалъ быть въ употребленіи хлѣба то скупѣе, то щедрѣе. Затѣмъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ кумира въ видѣ жертвоприношенія и снова наполнялъ пустой кубокъ, дѣлая видъ, что пьетъ за здоровье кумира, и провозносилъ торжественныя обѣщанія, просить о дарованіи себѣ и отечеству счастья, а народу богатства и побѣдъ. Подъ конецъ онъ въ одинъ духъ съ особенной быстротой осушаетъ кубокъ и, наполнивъ его вновь, кладетъ въ правую руку кумира. Въ святилищѣ приносятъ также пирогъ изъ сладкаго тѣста, круглый и такой большой, что равняется человѣческому росту. Поставивъ этотъ пирогъ посрединѣ между собой и народомъ, священникъ спрашиваетъ, всѣ ли видятъ пирогъ? Въ отвѣтъ на то, что видятъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ концѣ года ничего не осталось. Этимъ жертвоприношеніемъ онъ способствовалъ не своему счастью или счастью народа, но будущей жатвѣ. Привѣтствуя народъ отъ имени кумира, онъ увѣщевалъ его усердиѣ приносить жертвы въ честь его и въ награду за такое богомольство обѣщавъ побѣду на сушѣ и на морѣ. По совершеніи этихъ обрядовъ, остатки дня проводятъ въ роскошнѣйшемъ пиршествѣ, превращая жертвенный пиръ въ простую попойку и чревоугодіе, думая, что посвященные кумиру жертвы должны слѣдовать ихъ невоздержности. Считалось богоугоднымъ напиваться пьянымъ на этомъ пиршествѣ, оставаться же трезвымъ возбранялось“ ¹⁾.

---

¹⁾ Postero die, populo prae foribus excunbante, detractum simulacro poculum curiosius speculatus, si quid ex inditi liquoris mensura subtractum fuisset, ad sequentis anni inopiam pertinere putabat. Quo annotato, praesentes fruges in posterum tempus asservari jubebat. Si nihil ex consvetae foecunditatis habitu deminutum vidisset, ventura agrorum ubertatis tempora praedicabat. Juxta quod auspiciis instantis anni copiis nunc parcius nunc profusius utendum monebat. Veteri deinde mero ad pedes simulacri libamenti nomine defuso, vacuefactum poculum recenti imbuit; simulatoque propinandi officio statuam veneratus, tum sibi, tum patriae bona civisque opum ac victoriarum incrementa solennium verborum nuncupatione posebat. Qua finita admotum ori poculum nimia bibendi celeritate continuo hausu siccavit, repletumque mero simulacri dexterae restituit. Placenta quoque mulso confecta, ro-

Для германскаго племени древнесѣверная литература даетъ обильный матеріалъ для характеристики культового пьянства. Различіе его отъ обыкновенныхъ пировъ ярко сказывается въ эпизодѣ изъ царствованія Олафа Святого, который рьяно боролся за искорененіе языческихъ обрядовъ. Когда Олафъ былъ занятъ крещеніемъ Галогаланда (а крестилъ онъ огнемъ и мечомъ и грозилъ смертной казнью и конфискаціей имущества ¹⁾ нежелавшимъ принять христіанство), ему принесли вѣсть, что въ Трондгеймѣ ко времени зимняго равноденствія бонды устроили многолюдное пиршество съ зѣло великимъ пьянствомъ. Тамъ по древнему обычаю пили всѣ памятные кубки, посвященные богамъ асамъ ²⁾. Кромѣ того, тутъ же убивали скотъ и лошадей, подставка кумира окроплялась кровью, совершались жертвы и произносились заклинанія, чтобы настали лучшія времена. Всѣмъ казалось естественнымъ, что жрецъ устроилъ все это, потому что галогаландцы перешли въ христіанство. Тотчасъ же Олафъ требуетъ объясненія отъ бондовъ, которые отправляютъ къ нему краснорѣчиваго и смѣлаго ³⁾ Эльвира. Онъ-то и увѣряетъ короля, что никакого праздника=*veizlur* не было, но была товарищеская бесѣда=*gildi* и круговое пиршество=*hvirfingsdrykkjur*, а у нѣкоторыхъ простое угощеніе гостей=*vinabod* ⁴⁾.

Любопытно, что до сихъ поръ сохранились всѣ три разновидности пьянства, о которомъ говорится въ приведенномъ разсказѣ: во-первыхъ, частное, дружеское; во-вторыхъ, коллегіально-сословное, которое отразилось въ средневѣковыхъ гильдіяхъ и въ современныхъ студенческихъ комментахъ; и въ-третьихъ, нѣмецкіе *Kirchmessen* =

---

tundae formae, granditatis vero tantae. ut pene hominis staturam aequaret, sacrificio admovebatur. Quam sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus illam a se videri respondentibus, ne post annum ab illis cerni posset optabat. Quo precatationis more non suum aut populi fatum, sed futura messis incrementa poscebat. Consequenter sub simulacri nomine praesentem turbam consalutabat, eamquae diutius ad hujus numinis venerationem sedulo sacrificii ritu peragendam hortatus, certissimum cultus praemium terra marique victoriam promittebat. His ita peractis, reliquum diei plenis luxuriae epulis exigentes, ipsas sacrificii dapes in usum convivii et gulae nutrimenta vertere, consecratas numini victimas intemperantiae suae servire cogentes. In quo epulo sobrietatem violare pium aestimatum est, servare nefas habitum.—Saxonis Grammatici Historia Danica Lib. XIV, ed. Müller стр. 824—5.

¹⁾ Lagði við líf og limar eða aleigusök.

²⁾ Minni öll signuð Asum.

³⁾ Malsnjallr ok máldjarfr.

⁴⁾ *Heimskringla*, Saga Olafs hins helga, глава 113.

Kirmssen, восходящіе къ языческимъ культовымъ празднествамъ. Объ этомъ переходѣ языческихъ праздниковъ въ христіанскіе свидѣтельствуетъ разсказъ о Сигурдѣ, братѣ Торира Собака. Пока онъ былъ язычникомъ, онъ совершалъ жертвоприношенія три раза въ годъ: къ зимнему равноденствію, къ срединѣ зимы и лѣтомъ; когда же онъ принялъ христіанство, то онъ относительно пиршествъ придерживался принятаго обычая: осенью, къ іолу (Рождеству?) и Пасхѣ онъ приглашалъ къ себѣ много гостей на пиршество. Не только онъ самъ въ теченіе всей своей жизни, но и его сынъ Асбьернъ устраивалъ три пира ежегодно. Когда наступаетъ неурожай и всѣ запасы уже истощены, жена его Сигрида предлагаетъ сократить число пировъ или упразднить ихъ, но Асбьернъ упорствуетъ, хотя ему приходится покупать рожь на югѣ Норвегіи. Когда Олафъ запрещаетъ вывозить на сѣверъ хлѣбъ, солодъ и муку, Асбьернъ все-таки пытается раздобыть эти продукты и снаряжаетъ большой корабль въ путь-дорогу. По этому поводу и начинаются тѣ осложненія, о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ ¹⁾).

Даже въ подробностяхъ христіанство приурочилось къ язычеству. Памятные кубки = minnisfull, minnishorn, minnisöl, minnisveigar перешли въ Krists minne, Michaels minne, Martins minne, Johannis minne и пр. Сохранился любопытный разсказъ о переходномъ времени, когда еще христіанскіе обычая переплетались съ языческими. Когда въ бою палъ Гаральдъ, король Даніи, сынъ Горма, то наслѣдникъ его Свейнъ устроилъ въ честь его пиршество, на которое пригласилъ и Иомсвикинговъ. Въ первый же день, раньше чѣмъ сѣдятся на почетное мѣсто своего отца, Свейнъ выпилъ за его память и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Англію и убить короля Адальрада или изгнать его изъ страны. Этотъ кубокъ пили всѣ участники пиршества. Потомъ всѣ пили памятный кубокъ въ честь Христа. Третій кубокъ посвящался Михаилу. Потомъ ярль Сигвальди выпилъ за память своего отца и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Норвегію и убить ярла Гакона или изгнать его изъ страны. Торкелль Высокій, братъ Сигвальди, далъ обѣтъ послѣдовать за своимъ братомъ въ Норвегію и не уйти изъ битвы, пока сражается Сигвальди. Тотъ же обѣтъ даютъ и Буи Гордый и Сигурдъ, братъ его. Вагнъ, сынъ Аки, даетъ обѣтъ спрово-

---

¹⁾ *Heimskringla*, *ibid.*, глава 123; мое исследование: Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море, стр. 404 сл.

ждать ихъ и не возвратиться на родину, раньше чѣмъ убѣтъ Торкелля Глина и раздѣлить ложе съ его дочерью Ингиборгой безъ согласія родныхъ. И еще многіе другіе давали обѣты различнаго содержанія ¹⁾. Тотъ же самый обычай обѣщать различные подвиги подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ отразился и въ старофранцузскомъ эпосѣ, гдѣ самъ императоръ и его паладины хвастаются = *se mettent à gaber*, и когда король Гуговъ требуетъ, чтобы каждый исполнилъ свое обѣщаніе = *gab*, только ангелъ съ неба выручаетъ изъ бѣды ²⁾. Похвальба встрѣчается и въ нашихъ былинахъ на пиру у Владиміра послѣ обычнаго запѣва:

Во славномъ, во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Было пированіице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей, на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ могучиихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвастались,
Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный то хвастаетъ отчемъ-матерью,
А безумный то похваляется молодой женой да неудачливой.

Кромѣ торжественныхъ обѣтовъ еще другіе, особые порядки указывали на то, что пиры входили какъ составная часть въ религиозный ритуаль. Такъ не всегда допускалось присутствіе на нихъ женщинъ. Пить, когда и сколько угодно, разрѣшалось только вечеромъ, днемъ же питье происходило по строгимъ правиламъ: то рогъ обходилъ все собраніе = *sveitardrykkja*, то нужно было осушить чашу въ одинъ духъ = *drekka einmenningr*, или же выпивали чашу попарно = *drekka til hálfis*; изъ послѣдняго обычая развилась излюбленная забава скандинавовъ пить въ запуски = *Karpdrykkja*. Кто нарушалъ правила, подвергался наказанію: долженъ былъ сѣсть на полъ и выпить лишнія, карательныя чаши ³⁾.

Въ Финляндіи до настоящаго времени сохранились явные слѣды культового пьянства. Къ Рождеству крестьянинъ варитъ темное пѣнящееся пиво = *julölet* и въ теченіе всего праздника деревянный сосудъ = *kirron* не сходить со стола; кто бы ни входилъ, знакомый или чужой, прежде всего угощается этимъ пивомъ. То же домашнее пиво готовить и къ первому мая = *vallborgmäss*. Тогда пьютъ это

---

¹⁾ *Heimskringla*, Saga Olafs Tryggvasonar, глава 39.

²⁾ *Paris*, Histoire poétique de Charlemagne, 1905 г., стр. 343.

³⁾ *Weinhold*. Altnordisches Leben, 1856 г., стр. 455 сл.